

ДОШКОЛЬНОЕ
ЧТЕНИЕ

Сказки и рассказы о природе

«МАСТЫЦА»

Соответствует
ФГОС ДО

Дошкольное чтение

Михаил Пришвин

Сказки и рассказы о природе

«АСТ»

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

Пришвин М. М.

Сказки и рассказы о природе / М. М. Пришвин — «АСТ»,
— (Дошкольное чтение)

В сборник «Сказки и рассказы о природе» вошли небольшие произведения известных русских писателей-натуралистов М. Пришвина, Н. Сладкова, К. Паустовского и Э. Шима. Они проникнуты большой любовью к родным просторам, показывают, как разнообразен окружающий мир, как интересна жизнь каждого даже самого маленького животного. Авторы, обладающие добрым сердцем и зорким глазом, призывают юных читателей беречь нашу сказочно богатую природу. Иллюстрации художника И. Цыганкова. Для дошкольного возраста.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6я43

© Пришвин М. М.
© АСТ

Содержание

М. Пришвин	6
Ёж	6
О чём шепчутся раки	11
Предательская колбаса	14
Как я научил своих собак горох есть	22
Птицы под снегом	25
Синий лапоть	29
Н. Сладков	35
Клёст и Дятел	35
Бюро лесных услуг	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сказки и рассказы о природе

© Паустовский К. Г., насл., 2018

© Пришвин М. М., насл., 2018

© Сладков Н. И., насл., 2018

© Шим Э. Ю., насл., 2018

* * *

М. Пришвин

Ёж

Раз я шёл по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога – он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

– А, вот ты как со мной! – сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой. Мышей у меня было много, я слышал – ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза все смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда и выбрал наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёл лампу, и – здравствуйте! – ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна вошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облака, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ежу, он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл в кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу – какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёл свечу и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати – и прямо к газете, завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда, и оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу – луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

– Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

– Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой, и то налью воды в тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк поплёскивает.

– Ну, иди, иди... – говорю. – Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода...

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он движется – и я двину, да так и сошлись.

– Пей, – говорю окончательно.

Он и залакал.

А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

– Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

– Давай спать.

Лёг и задул свечу.

Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу – и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко.

Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит – на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко – выпьет, то булочки дам – съест.

О чём шепчутся раки

Удивляюсь на раков – до чего много, кажется, напутано у них лишнего: сколько ног, какие усы, какие клешни, и ходят хвостом наперёд, и хвост называется шейкой. Но всего более дивило меня в детстве, что когда раков соберут в ведро, то они между собой начинают шептаться. Вот шепчутся, вот шепчутся, а о чём – не поймёшь.

И когда скажут: «Раки перешептались», – это значит – они умерли, и вся их рачья жизнь в шёпот ушла.

В нашей речке Вертушинке раньше, в моё время, раков было больше, чем рыбы. И вот однажды бабушка Домна Ивановна с внучкой своей Зиной собралась к нам на Вертушинку за раками. Бабушка с внучкой пришли к нам вечером, отдохнули немного – и на реку. Там они расставили свои рачьи сеточки. Эти рачьи сачки у нас все делают сами: загибается ивовый прутик кружком, кружок обтягивается сеткой от старого невода, на сетку кладётся кусочек мяса или чего-нибудь, а лучше всего кусочек жареной и духовитой для раков лягушки. Сеточки опускают на дно. Учужа запах жареной лягушки, раки вылезают из береговых печур, ползут на сетки.

Время от времени сачки за верёвки вытаскивают кверху, снимают раков и опять опускают.

Простая это штука. Всю ночь бабушка с внучкой вытаскивали раков, наловили целую большую корзину и утром собрались назад, за десять верст к себе в деревню. Солнышко взошло, бабушка с внучкой идут, распарились, разморились. Им уж теперь не до раков, только бы добраться домой.

– Не перешептались бы раки, – сказала бабушка.

Зиночка прислушалась.

Раки в корзинке шептались за спиной бабушки.

– О чём они шепчутся? – спросила Зиночка.

– Перед смертью, внученька, друг с другом прощаются.

А раки в это время совсем не шептались. Они только тёрлись друг о друга шершавыми костяными бочками, клешнями, усиками, шейками, и от этого людям казалось, будто от них шёпот идёт. Не умирать раки собирались, а жить хотели. Каждый рак все свои ножки пускал в дело, чтобы хоть где-нибудь найти дырочку, и дырочка нашлась в корзинке, как раз чтобы самому крупному раку пролезть. Один рак вылез крупный, за ним более мелкие шутя выбрались, и пошло, и пошло: из корзинки – на бабушкину кацавейку, с кацавейки – на юбку, с юбки – на дорожку, с дорожки – в траву, а из травы рукой подать речка.

Солнце палит и палит. Бабушка с внучкой идут и идут, а раки ползут и ползут.

Вот подходят Домна Ивановна с Зиночкой к деревне. Вдруг бабушка остановилась, слушает, что в корзинке у раков делается, и ничего не слышит. А что корзинка-то лёгкая стала, ей и невдомёк: не спавши ночь, до того уходилась старуха, что и плеч не чувствует.

– Раки-то, внученька, – сказала бабушка, – должно быть, перешептались.

– Померли? – спросила девочка.

– Уснули, – ответила бабушка, – не шепчутся больше.

Пришли к избе, сняла бабушка корзинку, подняла тряпку:

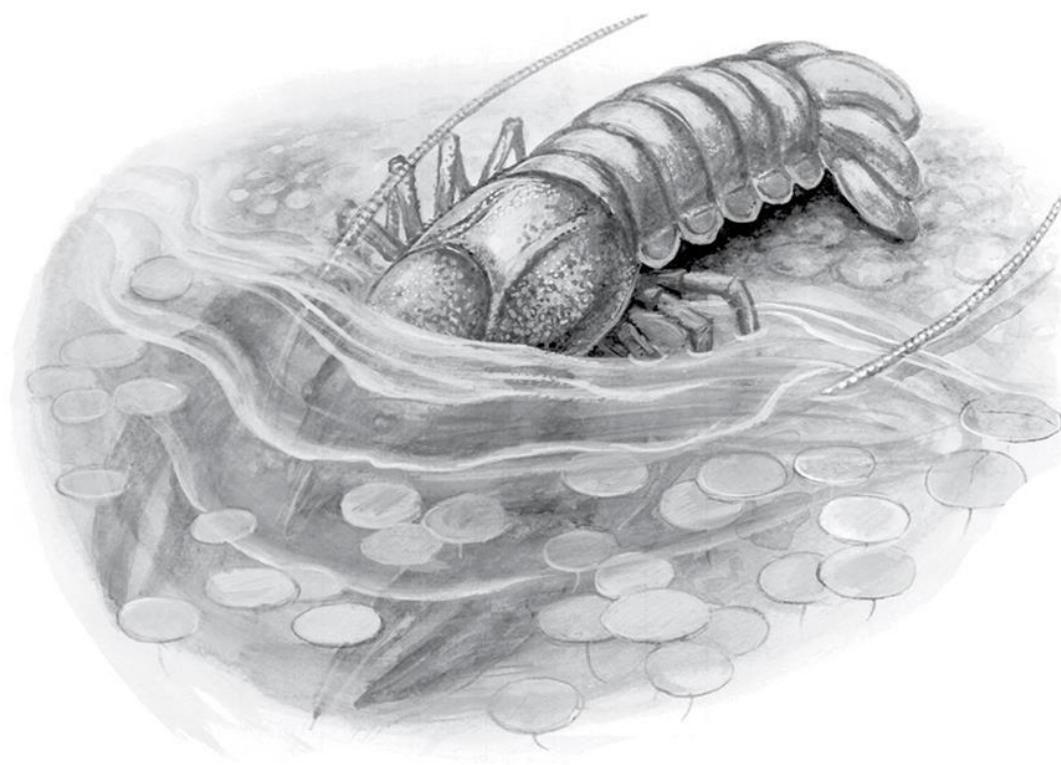

– Батюшки родимые, да где же раки-то?

Зиночка заглянула – корзина пустая.

Поглядела бабушка на внучку – и только руками развела.

– Вот они, раки-то, – сказала она, – шептались! Я думала – они это друг с другом перед смертью, а они это с нами, дураками, прощались.

Предательская колбаса

Ярик очень подружился с молодым Рябчиком и целый день с ним играл. Так в игре он провёл неделю, а потом я переехал с ним из этого города в пустынный домик в лесу, в шести верстах от Рябчика. Не успел я устроиться и как следует осмотреться на новом месте, как вдруг у меня пропадает Ярик. Весь день я искал его, всю ночь не спал, каждый час выходил на терраску и свистел. Утром – только собрался было идти в город, в милицию – являются мои дети с Яриком: он, оказалось, был в гостях у Рябчика. Я ничего не имею против дружбы собак, но нельзя же допустить, чтобы Ярик без разрешения оставлял службу у меня.

– Так не годится, – сказал я строгим голосом, – это брат, не служба. А кроме того, ты ушёл без намордника, значит, каждый встречный имеет право тебя застрелить. Безобразный ты пёс.

Я всё высказал суровым голосом, и он выслушал меня, лёжа на траве, виноватый, смущённый, не Ярик – золотистый, гордый ирландец, а какая-то рыжая, ничтожная, сплюснутая черепаха.

– Не будешь больше ходить к Рябчику? – спросил я более добрым голосом.

Он прыгнул ко мне на грудь. Это у него значило:

– Никогда не буду, добрый хозяин.

– Перестань лапиться, – сказал я строго.

И простил.

Он покатался в траве, встряхнулся и стал обыкновенным хорошим Яриком.

Мы жили в дружбе недолго, всего только неделю, а потом он снова куда-то исчез. Вскоре дети, зная, как тревожусь о нём, привели беглеца: он опять сделал Рябчику незаконный визит. В этот раз я не стал с ним разговаривать и отправил в тёмный подвал, а детей просил, чтобы в следующий раз они только известили меня, но не приводили и не давали там ему пищи. Мне хотелось, чтобы он вернулся по доброй воле.

В тёмном подвале путешественник пробыл у меня сутки. Потом, как обыкновенно, я серьёзно поговорил с ним и простил. Наказание подвалом действовало только на две недели. Дети прибежали ко мне из города:

– Ярик у нас.

– Так ничего же ему не давайте, – велел я, – пусть проголодается и придёт сам, а я готовлю ему хорошую встречу.

Прошёл день. Наступила ночь. Я зажёл лампу, сел на диван, стал читать книжку. Налетело на огонь множество бабочек, жуков, всё это стало кружиться возле лампы, валиться на книгу, на шею, путаться в волосах. Но закрыть дверь на террасу было нельзя, потому что это был единственный выход, через который мог явиться ожидаемый Ярик. Я, впрочем, не обращал внимания на бабочек и жуков, книга была увлекательной, и шёлковый ветерок, долетая из леса, приятно шумел. Я читал и слушал музыку леса. Но вдруг мне что-то показалось в уголке глаза. Я быстро поднял голову, и это исчезло. Теперь я стал прилаживаться так читать, чтобы, не поднимая головы, можно было наблюдать порог. Вскоре там показалось нечто рыжее, стало красться в обход стола, и, я думаю,мышь слышней пробежала бы, чем это большое подползло под диван. Только знакомое неровное дыхание подсказало мне, что Ярик был под диваном и лежал как раз подо мной. Некоторое время я читаю и жду, но терпения у меня хватило ненадолго. Встаю, выхожу на террасу и начинаю звать Ярика строгим голосом и ласковым, громко и тихо, свистать и даже трубить. Так уверил я лежащего под диваном, что ничего не знаю о его возвращении.

Потом я закрыл дверь от бабочек и говорю вслух:

– Верно, Ярик уже не придёт, пора ужинать.

Слово ужинать Ярик знает отлично. Но мне показалось, что после моих слов под диваном прекратилось даже дыхание.

В моём охотничьем столе лежит запас копчёной колбасы, которая чем больше сохнет, тем становится вкуснее. Я очень люблю сухую охотничью колбасу и всегда ем её вместе с Яриком. Бывало, мне довольно только ящиком шевельнуть, чтобы Ярик, спящий колечком, развернулся, как стальная пружина, и подбежал к столу, сверкая огненным взглядом.

Я выдвинул ящик, — из-под дивана ни звука. Раздвигаю колени, смотрю вниз — нет ли там на полу рыжего носа, — нет, носа не видно. Режу кусочек, громко жую, заглядываю, — нет, хвост не молотит. Начинаю опасаться, не показалась ли мне рыжая тень от сильного ожидания и Ярика вовсе и нет под диваном. Трудно думать, чтобы он, виноватый, не соблазнился даже и

колбасой, ведь он так любит её; если я, бывало, возьму кусочек, надрежу, задеру шкурку, чтобы можно было за кончик её держаться пальцами и кусочек её висел бы на нитке, то Ярик задерёт нос вверх, стережёт долго и вдруг прыгнет. Но мало того: если я успею во время прыжка отдернуть вверх руку с колбасой, то Ярик так и остаётся на задних ногах, как человек. Я иду с колбасой, и Ярик идёт за мной на двух ногах, опустив передние лапы, как руки, и так мы обходим комнату и раз, и два, и даже больше. Я надеюсь в будущем посредством колбасы вообще приучить ходить его по-человечески и когда-нибудь во время городского гулянья появиться там под руку с рыжим хвостатым товарищем.

И так вот, зная, как Ярик любит колбасу, я не могу допустить, чтобы он был под диваном. Делаю последний опыт, бросаю вниз не кусочек, а только шкурку и наблюдаю. Но как внимательно я ни смотрю, ничего не могу заметить: шкурка исчезла как будто сама по себе. В другой раз я всё-таки добился: видел, как мелькнул язычок.

Ярик тут, под диваном.

Теперь я отрезаю от колбасы круглый конец с носиком, привязываю нитку за носик и тихонько спускаю вниз между коленями. Язык показался, я потянул за нитку, язык скрылся. Переждав немного, спускаю опять – теперь показался нос, потом лапы. Больше нечего в прятки играть: я вижу его, и он меня видит. Поднимаю выше кусочек. Ярик поднимается на задние лапы, идёт за мной, как человек, на двух ногах, на террасу, спускается по лесенке на четырёх по-собачьи. Теперь он понимает мою страшную затею и ложится на землю пластом, как черепаха. А я отворяю подвальную дверь и говорю:

– Пожалуйте, молодой человек.

Как я научил своих собак горох есть

Лада, старый пойнтер десяти лет, – белая с жёлтыми пятнами. Травка – рыжая, лохматая, ирландский сеттер, и ей всего только десять месяцев. Лада – спокойная и умная. Травка – бешеная и не сразу меня понимает. Если я, выйдя из дому, крикну: «Травка!» – она на одно мгновение обалдеет. И в это время Лада успевает повернуть к ней голову и только не скажет словами: «Глупенькая, разве ты не слышишь, хозяин зовёт».

Сегодня я вышел из дому и крикнул:

– Лада, Травка, горох поспел, идёте скорей горох есть!

Лада уже лет восемь знает это и теперь даже любит горох: горох ли, малина, клубника, черника, даже редиска, даже репа и огурец, только не лук. Я, бывало, ем, а она, умница, вдумывается, глядишь, и себе начинает рвать стручок за стручком. Полный рот, бывало, наберёт гороху и жуёт, а горох с обеих сторон изо рта сыплется, как из веялки. Потом выплюнет шелуху, а самый горох с земли языком соберёт весь до зёрнышка.

Вот и теперь я беру толстый зелёный стручок и предлагаю его Травке. Ладе, старухе, уж, конечно, это не очень нравится, что я предпочитаю ей молодую Травку. Лохмушка берёт в рот стручок и выплёвывает. Второй даю – и второй выплёвывает. Третий стручок даю Ладе. Берёт. После Лады опять Травке даю. Берёт. И так пошло скоро: один стручок Ладе, другой – Травке. Дал по десять стручков.

– Жуйте, работайте!
И пошли жернова молоть горох, как на мельнице.

Так и хлещет горох в разные стороны у той и другой. Наконец Лада выплюнула шелуху, и вслед за ней Травка тоже выплюнула. Лада стала языком зёрна собирать. Травка попробовала и вдруг поняла: и стала есть горох с таким же удовольствием, как и Лада. Она стала есть потом и малину, и клубнику, и огурцы. И всему этому я научил Травку из-за большой любви ко мне Лады: Лада ревнует ко мне Травку и ест, Травка Ладу ревнует и ест. Мне кажется, если я устрою между ними соревнование, то они, пожалуй, скоро у меня и лук будут есть.

Птицы под снегом

У рябчика в снегу два спасения: первое – это под снегом тепло ночевать, а второе – снег тащит с собой на землю с деревьев разные семечки на пищу рябчику. Под снегом рябчик ищет семечки, делает там ходы и окошечки вверх для воздуха. Идёшь иногда в лесу на лыжах, смотришь – показалась головка и спряталась: это рябчик. Даже и не два, а три спасения рябчику под снегом: и тепло, и пища, и спрятаться можно от ястреба.

Тетерев под снегом не бегают, ему бы только спрятаться от непогоды. Ходов больших, как у рябчика под снегом, у тетеревов не бывает, но устройство квартиры тоже аккуратное: назади отхожее место, впереди дырочка над головой для воздуха.

Серая куропатка у нас не любит зарываться в снег и летает ночевать в деревню на гумна. Перебудет куропатка в деревне ночь с мужиками и утром летит кормиться на то же самое место. Куропатка, по моим приметам, или дикость свою потеряла, или же от природы неумная. Ястреб замечает её перелеты, и, бывает, она только вылетать собирается, а ястреб уже дожидается её на дереве.

Тетерев, я считаю, много умнее куропатки. Раз было со мной в лесу: иду я на лыжах; день красный, хороший мороз. Открывается передо мной большая поляна, на поляне высокие берёзы, и на берёзах тетерева кормятся почками. Долго я любовался, но вдруг все тетерева бросились вниз и зарылись в снег под берёзами. В тот же миг является ястреб, ударился на то место, где зарылись тетерева, и заходил. Ну вот прямо же над самыми тетеревами ходит, а догадаться не может копнуть ногой и схватить. Мне это было очень любопытно, думаю: «Ежели он ходит, значит – их чувствует под собой, и ум у ястреба велик, а такого нет, чтобы догадаться и копнуть лапой на какой-нибудь вершок-два в снегу, значит, это ему не дано».

Ходит и ходит.

Захотелось мне помочь тетеревам, и стал я скрадывать ястреба. Снег мягкий, лыжа не шумит, но только начал я объезжать кустами поляну, вдруг провалился в можуху¹ по самое ухо. Выле-зал я из провалища, конечно, уж не без шума и думал: «Ястреб это услышал и улетел». Выбрался и о ястребе уж и не думаю, а когда поляну объехал и выглянул из-под дерева – ястреб прямо передо мной на короткий выстрел ходит у тетеревов над головами. Я выстрелил, он лёг. А тетерева до того напуганы ястребом, что и выстрела не испугались. Подошёл я к ним, шарахнул лыжей, и они из-под снега один за другим как начнут, как начнут вылетать; кто никогда не видал – обомрёт.

¹ Можуха – можжевельник.

Я много всего в лесу насмотрелся, мне всё это просто, но всё-таки дивлюсь на ястреба: такой умнейший, а на этом месте оказался таким дураком. Но всех дурашливей я считаю куро-патку. Избаловалась она между людьми на гумнах, нет у неё, как у тетерева, чтобы, завидев ястреба, со всего маху броситься в снег. Куропатка от ястреба только голову спрячет в снег, а хвост весь на виду. Ястреб берёт её за хвост и тащит, как повар на сковороде.

Синий лапоть

Через наш большой лес проводят шоссе с отдельными путями для легковых машин, для грузовиков, для телег и для пешеходов. Сейчас пока для этого шоссе только лес вырубili коридором. Хорошо смотреть вдоль по вырубке: две зелёные стены леса, и небо в конце. Когда лес вырубали, то большие деревья куда-то увозили, мелкий же хворост – грачевник – собирали в огромные кучи. Хотели увезти и грачевник для отопления фабрики, но не управились, и кучи по всей широкой вырубке остались зимовать.

Осенью охотники жаловались, что зайцы куда-то пропали, и некоторые связывали это исчезновение зайцев с вырубкой леса: рубили, стучали, гомонили и распугали. Когда же нале-

тела пороша и по следам можно было разгадать все заячьи проделки, пришёл следопыт Родионыч и сказал:

– Синий лапоть весь лежит под кучами грачевника.

Родионыч – в отличие от всех охотников – зайца называл не «косым чёртом», а всегда «синим лаптем».

Удивляться тут нечему: ведь на чёрта заяц не более похож, чем на лапоть, а если скажут, что синих лаптей не бывает на свете, то я скажу, что ведь и косых чертей тоже не бывает.

Слух о зайцах под кучами мгновенно обежал весь наш городок, и под выходной день охотники во главе с Родионычем стали стекаться ко мне.

Рано утром, на самом рассвете, вышли мы на охоту без собак. Родионыч был такой искусник, что лучше всякой гончей мог нагнать зайца на охотника. Как только стало видно настолько, что можно было отличить следы лисьи от заячьих, мы взяли заячий след, пошли по нему, и, конечно, он привёл нас к одной куче грачевника, высокой, как наш деревянный дом с мезонином. Под этой кучей должен был лежать заяц, и мы, приготовив ружья, стали все кругом.

– Давай, – сказали мы Родионычу.

– Вылезай, синий лапоть! – крикнул он и сунул длинной палкой под кучу.

Заяц не выскочил. Родионыч оторопел. И, подумав, с очень серьёзным лицом, оглядывая каждую мелочь на снегу, обошёл всю кучу, и ещё раз по большому кругу обошёл: нигде не было видно выходного следа.

– Тут он, – сказал Родионыч уверенно. – Становитесь на места, ребяташки, он тут. Готовы?

– Давай! – крикнули мы.

– Вылезай, синий лапоть! – крикнул Родионыч и трижды пырнул под грачевник такой длинной палкой, что конец её на другой стороне чуть с ног не сбил одного молодого охотника.

И вот – нет, заяц не выскочил.

Такого конфуза с нашим старейшим следопытом ещё в жизни никогда не бывало; он даже в лице как будто немного опал. У нас же суета пошла, каждый стал по своему о чём-то догадываться, во всё совать свой нос, туда-сюда ходить по снегу и так, затирая все следы, отнимать всякую возможность разгадать проделку умного зайца.

И вот, вижу, Родионыч вдруг просиял, сел, довольный, на пень поодаль от охотников, свёртывает себе папироску и моргает, вот подмаргивает мне и подзывает к себе.

Смекнув дело, незаметно для всех подхожу к Родионычу, а он мне показывает наверх, на самый верх засыпанной снегом высокой кучи грачевника.

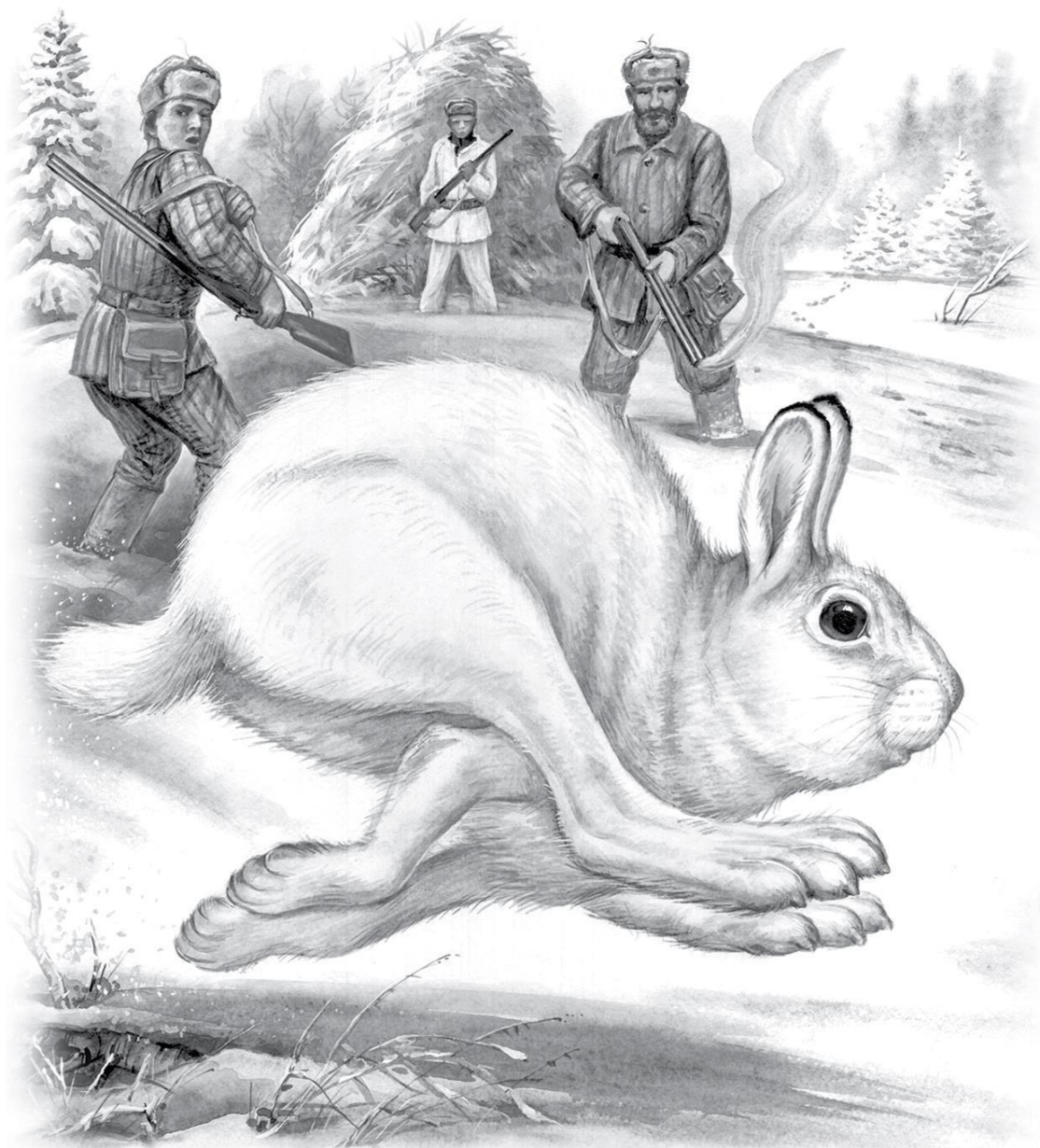
– Гляди, – шепчет он, – синий-то лапоть какую с нами штуку играет.

Не сразу на белом снегу разглядел я две чёрные точки – глаза беляка – и ещё две маленькие точки – чёрные кончики длинных белых ушей.

Это голова торчала из-под грачевника и повёртывалась в разные стороны за охотниками: куда они, туда и голова...

Стоило мне поднять ружьё – и кончилась бы в одно мгновение жизнь умного зайца. Но мне стало жалко: мало ли их, глупых, лежит под кучами!..

Родионыч без слов понял меня. Он смял себе из снега плотный комочек, выждал, когда охотники сгрудились на другой стороне кучи, и, хорошо наметившись, этим комочком пустил в зайца.

Никогда я не думал, что наш обыкновенный заяц-беляк, если он вдруг встанет на куче, да ещё прыгнет вверх аршина на два, да объявится на фоне неба, что наш же заяц может показаться гигантом на огромной скале!

А что стало с охотниками! Заяц ведь прямо к ним с неба упал.

В одно мгновение все схватились за ружья – убить-то уж очень было легко. Но каждому охотнику хотелось раньше другого убить, и каждый, конечно, хватил вовсе не целясь, а заяц живёхонький пустился в кусты.

– Вот синий лапоть! – восхищённо сказал ему вслед Родионч.

Охотники ещё раз успели хватить по кустам.

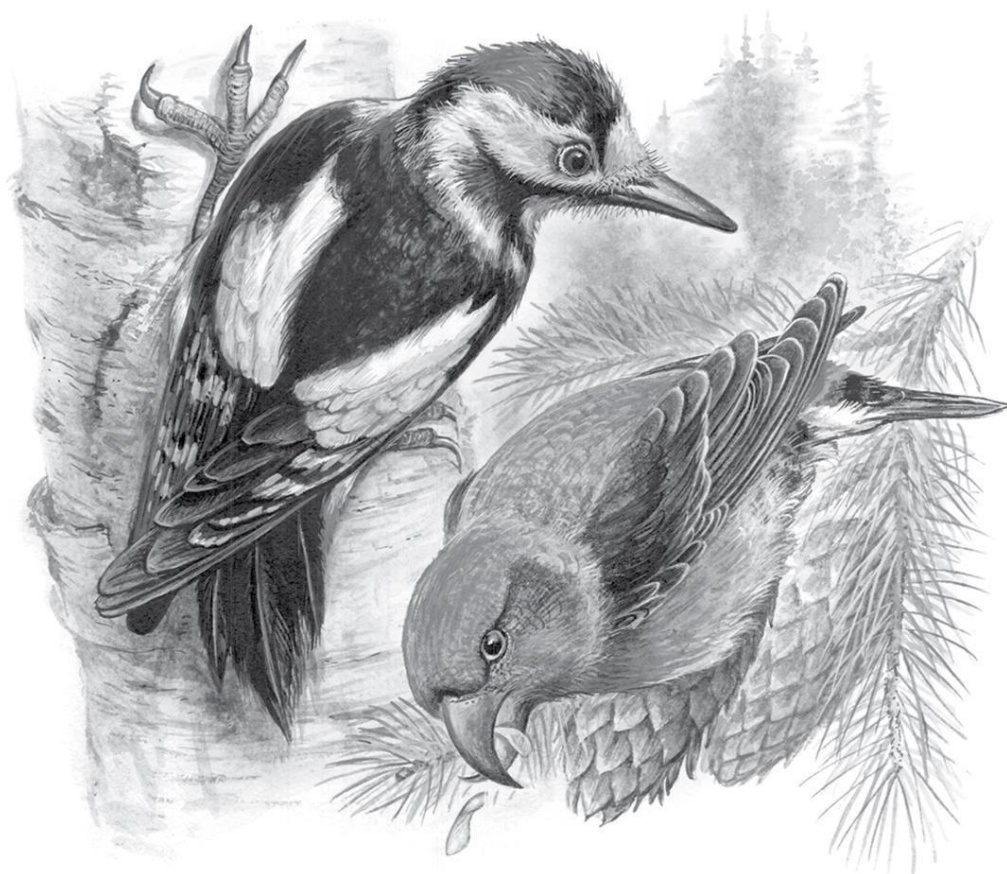
– Убит! – закричал один, молодой, горячий.

Но вдруг, как будто в ответ на «убит», в дальних кустах мелькнул хвостик: этот хвостик охотники почему-то всегда называют «цветком».

Синий лапоть охотникам из далёких кустов только своим «цветком» помахал.

Н. Сладков

Клёст и Дятел

– Смотрю, Дятел, на твой нос и сравниваю со своим, – сказал Клёст. – Твой прямой, как стамеска, а мой как две кривые отвёртки. И всё-таки мой кривой лучше твоего прямого будет.

– И чего в нём, кривом, хорошего? – отвернулся Дятел. – А из-под моего, прямого, только щепки летят.

– В этом-то и беда! – вскрикнул Клёст. – Ты стамеской своей деревья портишь, а я отвёрткой кривой всего лишь чешуйки на шишках отгибаю, семена достаю. Глядишь, одно-другое семечко уроню – оно и прорастёт. Выходит, я лес сажаю, а ты его рубишь. И лесу, выходит, я друг, а ты – враг. И всё из-за твоего прямого носа!

Дятел от обиды даже долбить перестал.

– Полюбуйся-ка на свои труды! – не унимается Клёст. – Осину исковырял, словно её топором тесали.

– Осина больная была. Я её от сверлильщиков и точильщиков разных спасал. Этим вот самым носом!

– С-спасибо, Дятел, – проскрипела Осина. – От с-смерти спас-с – с-совсем засыхала.

Клёст от удивления клюв свой кривой разинул.

– Но он, долбонос, и здоровые деревья калечит! Вон как Берёзу изрешетил – словно дробью прострелянная. Вся береста в слезах.

– Не слёзы это, – прошелестела Берёза. – Просто капельки сока выступили из пробоинок. Пробоинки заплывут, я и думать о них забуду.

– А я не забуду! – пискнула Бабочка-траурница. – Капельки эти весной меня от голода спасли. Спасибо, Берёза!

– Спасибо, Дятел, – замахали усиками муравьи. – Целебный берёзовый сок нам силы вернул: очень мы за зиму отошали.

– Спасибо, Берёза и Дятел, – запищали синички белощёкие, долгохвостые и хохлатые. – Славно мы сладким соком поугощались!

Все кричали, пищали, свистели. Только Дятел смотрел на Клёста и молчал. А Клёст не хотел молчать, так и вертел своим кривым носом.

– Ты, – кричит, – глубокие дупла в деревьях выдалбливаешь! А сколько, сколько вас, дятлов, в лесу? Каждый по дуплу – и весь лес дырявый. Я, значит, сажаю, а вы дырявите!

– Чем больше дупел в лесу, – крикнул Поползень, – тем больше нас, дуплогнёздников! А чем больше нас – тем меньше лесных вредителей! А чем меньше лесных вредителей – тем лесу лучше! А чем лучше лесу – тем лучше всем! И тебе, Клёст, тоже!

– Слыхал? – повернулся Дятел к Клёсту.

Клёст только крылышками развёл.

– У-го-годил Дятел и мне! – выкрикнул Сыч. – В дуплах у меня морозильники. Мышей и полёвок зимой замораживаю. Про запас. А от них лесу вред.

– Слыхал? – снова Дятел Клеста спросил.
Тут Синичка-гайчка пищит:
– Гай, гай, где бы мы, пичужки, в мороз и вьюгу зимой прятались, где бы зимнюю ночь коротали? Спасибо ему, строителю-долбоносу!
– Слыхал? – повернулся Дятел к Клесту.
А того уже и след простыл.

Бюро лесных услуг

Нагрянул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет. Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить? Хорёк говорит:

– Спасайтесь кто как может!

А Сорока стрекочет:

– Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет, чтоб нам сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно.

Тут Заяц вязался:

– Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют – мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.